
С. А. ИВАНОВ

ПОСЛЕДНИЙ СТАМБУЛЬСКИЙ ПРОЕКТ РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

3 июня 1912 г. мощный пожар уничтожил квартал старых турецких домов, лепившихся на развалинах Большого дворца византийских императоров в Стамбуле. Ровно через два месяца, 3 августа, ученый секретарь РАИК Борис Панченко подал своему директору, академику Федору Успенскому, докладную записку. Сохранился ее машинописный вариант, однако в нем начало текста утрачено. Видимо, записка так и не была подана либо не возымела действия: во всяком случае, в апреле следующего, 1913 г. Панченко набросал черновик новой записки, которая, видимо, почти не отличалась от предыдущей. Ниже мы публикуем комбинированный текст записки (с мельчайшими исправлениями орфографии подлинника): начало по черновику, а основную часть по машинописи.

Докладная записка Панченко о воспроизведении в чертежах и фотографических снимках сохранившейся части византийских построек на территории Большого византийского дворца.

ПФА РАН, ф. 127, оп. 1, д. 11: «Последний пожар в Стамбуле уничтожил почти полностью турецкие кварталы Енимахалля, Исак-Паша и Каба-Сакел, расположенные к востоку от Министерства юстиции и мечети Ахмедие, достигнув моря у Чаглады Капу и железнодорожной линии на значительном протяжении. Выгоревшая площадь прежде была сплошь застроена зажиточными турецкими домами и недоступна для исследования. После пожара остались, за самыми незначительными исключениями, лишь обгоревшие каменные стены, в большинстве разрушенные почти до основания. Ни одного дома до сих пор не отстраивается вновь, но предполагается впредь разрешать в погоревшем районе исключительно каменные и солидные постройки. Таким образом, нам представляется единственный, никогда не бывший и вряд ли когда-либо будущий случай для археологического обследования означенного района.

Между тем по всем археологическим и историческим данным и согласно установившемуся в науке взгляду, погоревшие кварталы обни//мают большую часть территории Большого византийского дворца, отдельные постройки которого восходят ко времени Константина Великого.

Существующие планы и обозрения частей Большого дворца основаны на литературных данных, указывающих смежность и порядок зданий, но не величину застроенных и незастроенных пространств и не углы пересечения осей смежных построек, возведенных

в течение пяти и более столетий. Археологические точки опоры, которыми до сих пор располагали исследователи, состоят из ныне сохранившихся крупнейших построек византийского времени, каковы Св. София, Ипподром и его субструкции, храм Анастасии, площадь Кадам-Лимен, храм Сергия и Вакха и морские стены с остатками дворцов Гормизды и Вукелеонта — то есть исключительно по краям площади Большого дворца, но не внутри ее. Для построек Большого дворца, числом более пятидесяти, приходилось довольствоваться литературными, крайне неточными данными.

Ныне представляется случай восполнить этот пробел. Действительно, даже поверхностный // обзор выгоревшей территории без всяких раскопок позволяет сделать следующие наблюдения.

а. 1а

Лишь со стороны турецкого Серая пределы Большого дворца не ясны. Со всех других сторон покатая площадь дворца ограничена террасами, во многих местах сохранившимися и обличающими бесспорно византийское, не турецкое происхождение. Обнажился рельеф верхних частей территории Большого дворца — драгоценнейший указатель его положения, оставленный природою и строителями, располагавшими громадными средствами.

Террасы дворца ориентированы приблизительно параллельно восточному краю площади Августея, которую окаймляли, как известно, постройки Константина, Завксипп, Сенат и древняя базилика Св. Софии. Планировка этого верхнего района, вместе с Ипподромом...

ПФА РАН, ф.127, оп. 1, д. 131

«Будучи независима от положения Ипподрома, восходит ко времени не только Константина Великого, но даже Септимия Севера. Сопоставляя единство ориентировки с несомненными остатками римских стен, обнажившимися внутри построек, возведенных на верхней террасе, получаем впрямь до детального исследования априорный вывод, что время террас относится к началу постройки Большого дворца, как то и естественно.»

с. 1а

Верхняя терраса обнажилась на большом протяжении, начиная от мысленного продолжения линии северного фасада Св. Софии и продолжаясь на юго-запад перпендикулярно к оси Св. Софии и Августея; она теряется в субструкциях большого турецкого училища, доходящих в свою очередь до улицы, спускающейся от южных ворот Ахмедие. Верхняя терраса разбивается на две части улицы, которая спускается к мечети Каба-Сакал и открывается в сторону Ахмедие турецкими воротами. Эта улица пролегла по естественному спуску от Августея и Ипподрома к морю, к гавани Кадрига. По крайней мере с восточной стороны терраса заканчивается перпендикулярной стеною, основания которой еще не исследованы, но имеют видимость византийских. Это должно отметить потому, что в случае подтверждения мысли о византийском происхождении перерыва террас и древности самой улицы мы получили бы наконец место для загадочных Карейских ворот, весьма древнего прохода с Ипподрома через территорию дворца, но не относящегося к системе дворцовых зданий.

К юго-западу от этой улицы терраса образует высокую гладкую стену без признаков пристроенных к ней позднейших зданий. Стена имеет внизу ряд арок, заложенных еще в византийское время и даже признаки заложенных больших ворот; но это последнее еще не установлено, и даже возможно, что арки внизу весьма высокой стены имеют лишь конструктивное назначение, для большей прочности стены. Последняя носит характер византийской и, по-видимому, выстроена за один раз.

Наоборот, на северо-восток от улицы, ниже мечети Каба-Сакал, начинается терраса, древнейшие части которой относятся к IV веку или даже ранее. Насколько можно проследить, вся терраса имела снизу двойной непрерывный коридор на столбах; четырехугольные промежутки между пилонами перекрыты кирпичным круглым сводом на парусах; в некоторых, по крайней мере, случаях в замке круглого свода открываются на верхних этажах цилиндрические отдушины, или верхние окна.

Терраса позднее была укрепена снаружи византийскими башнями. Одна из них сохранилась даже почти в целости, а от трех или двух других наблюдаются нижние части стен.

Дом Али-эффенди представляет из себя драгоценный остаток старины. На площади террасы стоят до сих пор три камеры, перекрытых полуцилиндрическим кирпичным

сводом. Одна зала параллельна линии террасы, две других, пошире и поуже, поставлены под прямым углом к первой и открывались на Мраморное море. В доме Али-эффенди через эти залы проходил вымощенный камнем переулок. Эти залы, выстроенные на террасе, не только не турецкие, но по составу стен и форме сводов могут относиться к древнейшему периоду византийского строительства и бесспорно древнее византийской башни, пристроенной к террасе со стороны моря. В башне сохранились три или даже четыре этажа, из коих нижний засыпан. Витой подъем, по-видимому, без лестницы, для возможности подниматься верхом, пере//крыт весьма плоским кирпичным сводом. Кроме окон с полукруглыми арками, большая дверь вела из башни в здание, позднее пристроенное со стороны моря, и часть стен последнего здания также сохранилась. Оно, по-видимому, охватывало башню с южной стороны, причём его стеной были закрыты выходявшие на юг окна башни. Внутри последней, в проломе ее стены, показалась другая стена, римской постройки из громадных кирпичей. Таким образом, дом Али-эффенди представляет из себя остаток комплекса зданий трех или даже четырех эпох, имеющих связь с террасой: здание на краю террасы, состоящее из трех или более зал, и бесспорно не церковное, притом постройки весьма древней; византийскую башню, защищавшую террасу и входившую в состав оборонительной линии из целого ряда башен, и, наконец, одно или два здания, пристроенные к башне позднее, с двух сторон. К северу от башни пристроено здание, ориентированное в сторону моря, которое имело с башней сообщение не только, по всей вероятности, внизу под террасой, но и на уровне второго этажа; с верхними же камерами на террасе через дверь сообщалась четвертая комната, обращенная к морю; уровень ее пола ныне несколько ниже современного уровня террасы, т. е. мощеного прохода. Стены над этой камерой древнее башни и могут быть современны верхним камерам; но северная ее стена носит наиболее следов турецких переделок, между прочим, в профиле арки, открывающейся на северо-восток; с этой стороны могло быть пристроено деревянное турецкое здание на месте разрушенной части византийской постройки.

Дом Али-эффенди далеко не единственная часть построек дворцового квартала, которая неожиданно ныне обнажена пожаром. К северо-востоку от нее на небольшом расстоянии уцелела нижняя часть другой башни, пристроенной к верхней террасе в одну линию с первой башней. Здесь же открывается доступ внутрь нижних коридоров террасы. Коридоры, или крытые портики, ныне перегорожены стенками, сложенными насухо, или просто завалены мусором. Если устранить это препятствие, что возможно без больших затрат, то могло бы, думается, быть обнаружено продолжение коридоров, внутри которых возможны совершенно неожиданные находки. Уровень пола коридоров еще не выяснен, и он даст уровень нижней террасы. До какой степени сохранилось здание перед террасой, состоящее помимо башни из нескольких камер по нижнему этажу, видно из того, что жители турецкого дома поднимались в верхний этаж по внутренней лестнице византийской постройки.

Нижняя терраса состояла, может быть, из двух уступов. Со стороны упомянутой улицы она кончалась поперечной стеной и была значительно короче верхней террасы, так что можно различить ломаную линию стен, ограждающих дворец и со стороны улицы. Устройство нижней террасы выяснит будет труднее, так как под нею начинают уцелевшие от пожара сады и внутренние дворы турецких домов. Промежуток между верхней и второй террасами изобилует подземными камерами с византийскими арками, приспособленными ныне в качестве погребов.

Кроме того, представляется возможность исследовать постройки, примыкавшие к дворцу Гормизды или так наз. дома Юстиниана, которым заканчивался дворцовый квартал со стороны моря. Этот дворец перерезан железной дорогой в 1871 г., но на уровне верхних этажей. Через пролом в византийских сте//нах, выступающих из откоса, можно спуститься по каменной лестнице значительно вниз; открывается доселе неизвестное, вполне сохранившееся византийское здание; безо всякой расчистки можно наблюдать большую комнату на сводах; лестница подтирается мраморной колонной прекрасной работы, имеющей крест на импостной капители с ионическими волютами и плоским аканфом. В углу камеры находится глубокий колодец, может быть, пролом в нижний этаж, где накоплась вода из водопроводов. Два насухо заложённых входа ве-

дут в соседние камеры, которые легко открыть. И здесь без больших затрат возможно обнаружить дворцовые постройки. может быть, внутренние служебные помещения дворца Гормизда бы выходившие парадными покоем на Мраморное море. В этом пункте раскопки могли бы вестись, даже не выходя на поверхность земли, и было бы возможно расчистить сохранившуюся часть дворца ранее VI в., имя которого известно.

Что же касается верхней террасы, то обнаруженный впервые ряд византийских башен должен быть связан с историческими известиями об укреплении Никифором Фокою верхнего дворца, ставшего сильною крепостью. Таким образом, определяется верное положение верхнего дворца.

Прочую часть дворцового квартала или нижний дворец естественно предполагать ниже башен, на второй террасе и на всем пространстве вплоть до приморских дворцов Гормизда и Вуколеонта; впрочем, последний был расположен по другой стороне гавани у Чатлады-капу и был отделен от Большого дворца ныне сохранившимися высокими террасами.

Последние планы Большого дворца, напр., Тьера при книге Эберсолта, помещают Большой дворец внутри четырехугольника, ограниченного линией железной дороги, упомянутыми террасами у Чатлады-капу, субструкциями Ипподрома и с севера линией от площади Августея. При этом на северном и южном краях означенного четырехугольника помещены сады и лишь несколько отдельно стоящих зданий. Вся же масса построек дворца времен Порфирогенита размещена тесно, причем средняя ось главного комплекса зданий приходится против середины Ипподрома, т. е. на месте мечети Ахмедие. Постройки Большого дворца проектированы сообразно Ипподрому и образуют косой угол по отношению к краю площади Августея.

Новые данные, наоборот, указывают, что древнейшие верхние террасы дворца, совпадающие с верхним дворцом Никифора Фоки, т. е. X в., тянулись параллельно Августею, а не Ипподрому. Верхняя терраса простиралась к северо-востоку не только до линии от Августея к югу, но гораздо далее, вплоть до продолжения линии западного фасада Св. Софии приблизительно. На месте террасы с башнями видим на плане Эберсолта сад, а также дворец Магнавру, парадные палаты Константина Великого. Поместить Магнавру в этих местах необходимо, так как от этих палат подымались переходы прямо в Св. Софию. Но разве можно допустить, чтобы Магнавра стояла одиноко даже во времена ее строителя?

Предварительный осмотр ныне обнаруженных частей дворца показывает, что существующие планы придется переделать, причем отнести главные комплексы зданий к северо-востоку. Но еще желательнее было бы подтвердить археологическими данными ту связь памятников, которая вытекает из литературных данных.

Никто не посвятил этому последнему вопросу о расположении дворцовых построек столько упорного критического труда, как покойный Д. Ф. Беляев. РАИУ надлежит проверить выводы Беляева на основании археологического материала, судьбою данного нам в руки.

На основании вышеизложенного имею честь просить Ваше Превосходительство войти с ходатайством о разрешении Институту воспроизвести в чертежах и фотографических снимках сохранившиеся части византийских построек, обнаруженных на территории Большого византийского дворца, именно в районе от Министерства юстиции и мечети султана Ахмеда до железнодорожной линии, причем для точнейшего воспроизведения древностей необходимо разобрать стены, сложенные насухо, и очищать мусор.

Ученый секретарь Панченко

3 августа 1912 г.».

Разумеется, Панченко не был единственным европейским ученым, кто накануне Первой мировой войны осматривал развалины дворца, обнаружившиеся в результате пожара. Одновременно с ним там побывали Теодор Вейганд из Германского археологического института,¹ англича-

¹ Istanbul Arkeoloji Muzeleri Yilligi. 1914. S. 101—106.

нин Р. Бьюри, француз Ж. Эберсолт и швейцарский археолог-любитель Эрнест Мамбури. Тем не менее систематические раскопки и исследования в этом месте начались лишь после окончания мировой войны.² Разумеется, русские ученые уже не могли участвовать в этих работах. Тот комплекс, который Панченко назвал «домом Али-эффенди», получил в классификации Вейганда—Мамбури наименование «palast-Gruppe В».

Единственным сохранившимся следом деятельности Б. Панченко (и результатом его докладной записки) стали фотографии. Из них, кстати говоря, следует, что русские ученые в 1914 г. все-таки начали раскопки, которые прервала война.³ В фонде РАИК, хранящемся в ПФА РАН (ф. 127), имеется папка с фотографиями, сделанными в 1913—1914 гг. Всего в ней 55 фотографий, из них 45 (25 большого формата и 20 малого) сделаны на развалинах Большого дворца. Из этих 45 34 относятся к 1913 г. и лишь фиксируют развалины, а 11 помечены 1914 г. и документируют раскопки. К сожалению, все снимки 1914 г. — малого формата и очень плохого качества. Возможно, фотографии Панченко, сделанные по горячим следам, обладают некоторой научной ценностью для современного исследования Большого дворца.⁴

В приложении к настоящей статье воспроизводятся следующие фотографии Б. Панченко: № 36 (с пометой: «Внутренний вид IV камеры с западной стороны из I камеры»), № 42 («Общий вид»), № 43 («Общий вид на дом Али-эффенди с севера. Восточная половина»), № 46 («С юго-востока») и № 56 («Вторая башня, пролом в арке с юго-востока»).

Если развалины дворца были доступны исследователям в течение длительного времени, то остатки Халкопратийской базилики открылись в 1912 на короткий промежуток времени, в ходе сооружения кинотеатра, и потом снова были засыпаны. В этот момент европейскими исследователями были собраны некоторые образцы, но систематические раскопки начали проводиться лишь в 1963—1965 гг.⁵ Б. Панченко в том же самом 1912 г. сделал 10 фотографий земляных работ (5 малых и 5 больших), которые хранятся вместе со снимками дворца в деле № 162. В данном случае эти фотографии могут иметь не только архивное, но и научное значение.

Нами воспроизводятся две фотографии: № 38 (вид с колонной) и № 44 (вид с апсидой).

² Museon. 1915. Vol. 3, ser. I. P. 106—115; Comptes rendus de l'Academie des inscriptions. 1913. P. 31—39.

³ См.: *Басарина Е. Ю.* Архивные фонды Русского археологического института в Константинополе (РАИК) // ВВ. (80). 1994. Т. 55 (80). С. 35.

⁴ В последнее время вопрос о топографии Большого дворца вновь обрел актуальность в науке, см. ежегодные отчеты: Eugenia Bolognesi Recchi Franceschini, «The Great Palace Survey» в ежегоднике: Arastirma Sonuclari Toplantisi. Ankara, 1994—2003; *Bolognesi E.* Il Gran Palazzo // *Bizantinistica*. 2000. 2. P. 217—242.

⁵ *Kleiss W.* Neue befunde zur Chalkopratenkirche in Istanbul // *Istambuler Mitteilungen*. 1965. Bd 15. S. 149—167; *Mueller-Wiener W.* Bildlexikon zur Topographie Istanbul. Tuebingen, 1977. S. 77.

Большой Дворец

№ 36. «Внутренний вид IV камеры с западной стороны из I камеры»

№ 42. «Общий вид»

№ 43. «Общий вид на дом Али-эффенди с севера. Восточная половина»

№ 46. «С юго-востока»

№ 56. «Вторая башня, пролом в арке с юго-востока»

Халкопратийская базилика

№ 38. Вид с колонной

№ 44. Вид с апсидой